

О народном образовании в немецких поселениях Поволжья.

I.

На плодородных степных пространствах нынешней Самарской губернии, по берегу реки Волги, преимущественно в Новоузенском, Николаевском, частью в Самарском уездах раскинулись большие поселения бывших немецких колонистов, ныне поселян-собственников. Но из приволжских черноземных губерний не одна Самарская сделалась достоянием иностранных поселенцев. Вы встретите немецкие колонии в Саратовском, Царицынском, Аткарском, а главным образом в Камышинском уездах Саратовской губернии. В сказанной губернии колоний насчитывается более 58, а в Самарской губернии более 131. Таким образом две приволжские губернии по числу немецких колоний могут поспорить с Екатеринославской, Херсонской, Таврической губерниями, излюбленными местами немцев, равно с Бессарабией и Вольныю взятыми вместе.

Колонии немецких поселенцев появились на Волге не ранее 1764 года; самым поздним сроком образования новых поселений являются шестидесятые годы текущего столетия, когда в Самарском уезде появились колонии менонитов, а в Новоузенском уезде были отведены места для немецких переселенцев из колоний Саратовской губернии, равно и для прибывших сюда иностранных менонитов. В промежуток этого времени образовывались колонии как из новых пришельцев, так и от избытка населения в существовавших уже колониях.

Иностранные поселенцы явились на Волгу в царствование императрицы Екатерины Второй после ее манифестов 4-го декабря 1762 и 22-го июля 1763 года. Правда, иностранная колонизация началась у нас несколько ранее, в царствование Императрицы Елизаветы Петровны, но имела весьма ограниченные размеры, и лишь льготы дарованные иностранным поселенцам упомянутыми манифестами Екатерины Второй

привлекли иностранную колонизацию в обширных размерах. В половине XVIII века привольные степи низового Поволжья имели крайне редкое население, в соседстве с которым кочевали киргизы, калмыки и башкиры пользовавшиеся степью на правах полновластных хозяев.

Манифестом 22-го июля 1763 года будущим колонистам были предоставлены следующие льготы: они имели право селиться где пожелают, являться к начальникам где угодно; получали вспомоществование на переселение, могли присягать на подданство по своим обрядам, получали свободу вероисповедания, право строить церкви, кроме монастырей; избирать духовенство; получили свободу от уплаты податей в продолжение тридцати лет. Им было предоставлено просить вспомоществований на обзаведение, право иметь свою юрисдикцию, право беспошлинного ввоза имущества из-за границы; они освобождались от военной и земской службы на тридцать лет, имели право беспошлинно десять лет торговать с Европой, заводить фабрики и иметь при них крепостных людей. Колонистам предоставлялось право свободного выезда из России с уплатою лишь части (от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{5}$) приобретенного в России имущества, право заводить торги, записываться в купцы.

Гостеприимным призывом императрицы воспользовались, говорит Клаус, люди разного состояния и возраста, выходцы из разных государств Германии. Огромное большинство их представляло какой-то распущенный нравственно, обнищавший сброд — „Der Abschaum Deutschlands“, заключаая в себе офицеров, художников, студентов, разных ремесленников, даже преступников, прекрасно изображенных в юмористической поэме офицера Платена, тоже колониста, явившегося тогда в Россию поискать счастья. Вот такие-то пришлецы в качестве пионеров цивилизации явились в Россию и были направлены русским правительством в Саратовский край, размещены колониями по нагорному и луговому берегам реки Волги вверх и вниз по течению на 100 верст от гор. Саратова в количестве 45 колоний на нагорной стороне и 56 колоний на луговой стороне, углубляясь в степь не далее 10 верст от лугового берега¹. В колониях на первое

¹ До 6-го декабря 1850 года Новоузенский и Николаевский уезды Самарской губернии входили в состав Саратовской губернии.

время разместились до 10 тысяч душ мужского пола. Пришли по преимуществу лютеране.

Первое время в колониях завелись было порядки покинутой немецкой родины, неприменимые к жизни среди степного приволья. Поселенцы не были готовы для трудовой жизни среди девственной природы, и дело колоний пошло плохо. Понимая это, правительство деятельно занялось колониями. В 1764 году была учреждена в Петербурге „Канцелярия опекунства иностранных“, а в 1766 году ее отделение в Саратове. Императрица Екатерина Вторая, однако, не думала обособлять поселенцев и предоставила им отдельное управление лишь временно, до тех пор пока колонисты, „вошед во все русские обычаи“, то есть усвоив русские порядки, не будут подчинены обыкновенным губернским учреждениям. Она даже сделала попытку в этом роде именно в 1782 году, когда с учреждением губерний колонисты были переданы в ведение губернских учреждений наравне с государственными крестьянами, и Канцелярия опекунства закрылась.

Дело колоний не улучшалось. Ни немецкие порядки далекой родины, ни приравнение колонистов по управлению к государственным крестьянам не могли вдохнуть жизнь в колонии.

В 1797 году в Саратове вновь была учреждена „Кантора опекунства иностранных“ которая должна была ведать дела колонистов, за исключением уголовных и дел, совместных с русскими. Создана была „Инструкция внутреннего распорядка и управления“, действовавшая до великой реформы 1861 года. Колонисты разделены были на сельские общества с сельским сходом и сельским приказом состоявшим из шульца, 2 бейзицеров, писаря. Села соединялись в округи (на подобие волостей) с окружными собраниями, приказом, окружной головою, 2 бейзицерами и писарем. Были учреждены должности смотрителей колоний для улучшения благосостояния последних. На окружных собраниях состоявших из сельских старост и 3 уполномоченных от каждой колонии было заведено равенство голосов. Наконец, окружные головы и уполномоченные собирались на особые собрания ведающие дела всех колоний. Поземельное владение было лично-общинное: хотя все, земли принадлежали колонии, колонист однако наследственно пользовался общинным участком. Прирост населения сопровождался не дроблением участков, а нарезом новых.

Впоследствии колонии достигшие благодаря сказанной реформе процветания переходили в ведение то Министерства Государственных Имуществ, то Министерства Внутренних Дел вплоть до Высочайшего манифеста 1861 г. уравнившего всех подданных Империи.

Достоинно замечания то, что переход колоний в ведение того или другого министерства не всегда был полным. Некоторые члены немецких колоний принадлежали к одному министерству, а масса — другому: я говорю про духовенство колоний которое находилось и доселе находится в ведении Министерства Внутренних Дел, тогда как прихожане управлялись то Министерством Государственных Имуществ, то Министерством Внутренних Дел.

Привольные волжские степи и нагорный берег южного Поволжья не долго оставались незаселенными. С одной стороны, русские насельники стали занимать умиротворенный после пугачевщины край и кольцом окружать те обширные пространства плодородной земли, которые с замечательной щедростью были дарованы подонкам Германии. С другой стороны, исключительно благоприятные условия, в которые были поставлены колонисты введением начал русской общины замечательными льготами манифеста 1763 года имели последствием особенный прирост населения которому скоро пришлось разделить все общинные земли не занятые первыми переселенцами, но приготовленные для их потомства заботливым правительством. Прежде всего почувствовали тесноту колонисты нагорной стороны и были переселены в Новоузенский уезд Самарской губернии. Теперь и поселяне-собственники колоний луговой стороны уже находят, что им тесно и скудно жить на отцовских местах. Великая реформа 1861 года отняла исключительные права у колоний. Теперь колонисты думают о переселении в Сибирь, даже в Америку. Старики-колонисты, с тоской предвидя обеднение колоний от изменения экономических и социальных условий жизни, с сожалением вздыхают о прежних вольностях, видят в колониях упадок нравов, образования, считая, со слов своего духовенства, причиною такого явления изменение школьных условий, изъятие школы из-под исключительной власти патеров и пасторов. Конечно, так думает лишь темная масса. Тем не менее интересно узнать, что за школы были у колонистов в прошлом и нынешнем столетиях, действительно ли

старая школа была источником просвещения, а новые школьные порядки лишили ее просветительно-воспитывающего значения. Выяснить судьбу немецкой колониетской школы тем более важно, что она в настоящее время стоит на распутье, ждет самой радикальной реформы. Ею недоволено и духовенство, считая прежнюю церковную школу наиболее подходящей для колоний немецких поселенцев. Настоящая школа не удовлетворяет лучших людей из колоний, которые смотрят на нее как на остаток прежних порядков, видят, что она не удовлетворяет потребностям жизни и изменившимся условиям быта. Русские справедливо видят в немецкой школе нечто обособляющее, сепаратистское, и учебная власть стремится придать колониетским училищам общегосударственный характер, чтоб они выпускали из стен своих не конфирмантов только, а русских граждан знающих русский язык, знакомых с жизнью их отечества — России, истинных сынов ее, готовых пролить за нее свою кровь.

II.

История немецкой колониетской школы Поволжья может быть разделена на 3 периода. В первый период своей жизни школа в колониях существовала фактически, ведалась инославным духовенством и общинами, была известна Саратовской „Конторе опекунства иностранных“ под именем сельской школы, но учебным ведомством она не управлялась, не была известна ему. Этот период тянется от 1764 г. до 1819 года. Во второй период своей жизни школа ведалась инославным духовенством, согласно Устава иностранных исповеданий (Св. Зак. т. XI ч. I по продол. 1886 г.). Этот период оканчивается 1881 г., когда по Высочайшему повелению 2 мая 1881 г. все училища при церквях иностранных поселений перешли в ведение Министерства Народного Просвещения и духовенству колоний было поручено лишь наблюдение за религиозно-нравственным образованием юношества. В третьем периоде, со 2 мая 1881 г., школы в колониях перешли в ведение дирекций народных училищ Саратовской и Самарской губерний, что продолжается и до настоящего времени.

Колонисты принесли с собою германскую церковную школу. Последняя возникла в Европе из катехизических поучений духовенства: патеров, пасторов, их помощников — кистеров,

почему связана с костелом, кирхой, духовенством, которое конфирмовало ее питомцев, и тем самым принимало в ее жизни и ее направлении большое участие. Она была средством для ознакомления народа с правилами веры, делала из своих учеников католиков, лютеран, реформатов, не заботясь о более широких задачах образования, и считала свою цель достигнутой, если ее ученики допускались к конфирмации. Школа представляла, так сказать, звено между крещением и конфирмацией; без последней невозможно было вступление юноши в общину. Отсюда проистекла обязательность обучения. В германской церковной школе дети обучались чтению по Библии и Евангелию, отчасти учились письму и счету, изучали библейскую историю, но главным образом занимались изучением катехизиса, молитв, гимнов, ветхозаветных и новозаветных текстов и нравственных изречений². Такой характер церковная школа в Германии сохраняла до текущего столетия; все это время она была продуктом реформационного движения, была немецкою народною школой.

Переселенцы, принесшие с собою германскую школу, открыли ее вскоре по устройстве колоний и сохранили ее церковный характер. Она помещалась в молитвенных домах; ее учителя нередко служили кистерами, органистами; она учила главным образом Закону Божию; в ней учились дети обоего пола, подготовляясь к конфирмации; в ней учебниками были Библия, сборники библейских текстов и псалмов. Но новые условия жизни поселенцев скоро стали оказывать свое влияние и на школу. Последняя заведена общинами, содержалась на их счет, и представители общин с первых же дней существования ее при церквях и молитвенных домах стали оказывать на нее свое влияние. Общинные условия жизни колонистов, их оторванность от сплошного немецкого населения, близость русских, влияние русской власти в лице Саратовской Конторы — с одной стороны, отсутствие близкой связи между духовенством и населением — с другой, были причиной того, что колонистская церковная школа испытала на себе борьбу между требованиями церковности и запросами жизни. Борьба эта стала проявляться в отношениях к школьному вопросу со стороны духовенства и общин с Саратовскою Конторой во главе. Колонистское духовенство

² Вопрос о народной школе в Германии. С.-Петербург 1863 г.

поставляемое для лютеран бывшим Дерптом более всего опасалось проникновения в его школу светских воспитательных идей волновавших тогда Европу; с другой стороны, оно находилось под страхом предстоящего неизбежного обрусения колоний, и поставило задачей отдалить путем школы эту русификацию населения, противясь всякой попытке ввести в школах обучение государственному языку. Только зависимость духовенства от обществ в материальном отношении сдерживала его стремления иметь сельские школы в своем единоличном ведении. С самого основания школ сельские общества сами выбирали себе учителей торговавшихся с ними из-за жалования, необходимо заставляли их не всегда быть ревностными исполнителями воли духовенства, а прислушиваться к желаниям поселян. Такое положение длилось до 1819 года.

К началу XIX века жизнь колоний была радикально реформирована. Была восстановлена Саратовская Контора ставшая на страже интересов населения. Явилась нужда в представителях сельского окружного управления знающих русский язык; богатые колонисты стали заводить сношения с Русскими. В 1801-1802 годах колонии были обревизованы сенатором Габлицем и последний признал ненормальность существующего положения дела, когда колонистские власти оказались неспособными понимать государственную речь. Саратовская Контора впервые сделала распоряжение (по указанию ревизора-сенатора), чтобы сельские власти набрали сирот из колонистов и мальчиков из больших семей для помещения их в Саратовское народное училище обучаться русскому языку. В них видели кандидатов на должности писарей сельских и окружных правлений. Это был первый шаг обрусительного характера за полувековую жизнь колонистов в России, — мера совершенно не целесообразная, посредством которой думали приступить к ознакомлению колонистов с Русью, во исполнение завета императрицы Екатерины Второй: „вести колонистов во все русские обычаи“. Саратовская Контора однако не подумала обратить внимание, воспользоваться для этого существующими в колониях школами, а эти школы меж тем прожили уже десятки лет. Так, например, в нынешнем Николаевском уезде Цугское католическое училище было основано в 1764 году, Канское лютеранское в 1766 году, Баратаевское лютеранское в 1767 году, Шафгаузенское

лютеранское в 1768 году, Базельское, Баскаковское, Гоккербергское, Рязановское лютеранские училища в 1770 году, Цюрихское лютеранское в 1780 году, Унтервальденское лютеранское в 1796 году и т. д. Министерство Народного Просвещения их не ведало.

В виду такого отношения русской власти к колониетским школам, мы ничего не знаем как шло учение в этих школах. Можно лишь предположить, что это были чисто конфессиональные школы, чуждые всего русского.

В начале XIX столетия учреждены были Казанский университет и учебный округ, ведению которого стали подлежать все учебные заведения востока России. Учебное начальство поинтересовалось немецкими колониетскими училищами лишь в 1816 году, когда послало в колонии профессора Казанского университета Эрдмана — узнать, что это за школы. Профессор-ревизор признал „весьма худое состояние Саратовских колониетских школ“. Оказалось, что школы находились под сильным влиянием сельских обществ. Последние выбирали шульмейстеров, условливались с ними из-за жалования, как это они делали и с духовенством. Вмешательство общин в хозяйственную часть училищ помещавшихся в зданиях, бывших в одно и то же время молитвенными домами, сильно не понравилось профессору. Он заметил также отсутствие ясных указаний на то, кто должен заведовать училищами колоний. Немец-ревизор не обратил внимания, что плохое состояние ревизуемых им училищ могло прежде всего зависеть от ничтожного образовательного ценза шульмейстеров, учеников тех же школ и местных пасторов. Он нашел возможным исправить недостатки училищ подчинением учителей духовенству, с надзором за школами со стороны пробстов и деканов. И вот 25 октября 1819 года последовало распоряжение, чтобы наблюдение за шульмейстерами в колониях было возложено на приходское духовенство и консистории.

Вот первое официальное известие о состоянии немецких колониетских школ и первое правительственное распоряжение признавшее немецкие школы и отдавшее их во власть духовенства. Учебное начальство таким образом отклонило от себя трудную, но высокую задачу придать колониетской школе государственный характер, сделать ее воспитательницей русских граждан, а не иноверцев чуждающихся всего русского. Оно игнорировало весьма серьезное государственное дело. (Замечательно, что не все представители инославного духовенства уразумели серьезное

значение состоявшегося распоряжения, и некоторые из пасторов, например, Губер, Кольрейф, находили невозможным взять на себя наблюдение за шульмейстерами и школами по недостатку времени). С этого времени нужно считать начало полного господства в немецкой колонистской школе патера, пастора.

Инославное духовенство принявшись за управление школами потребовало от обществ ассигнования средств на расширение школьных зданий и увеличение комплекта учителей¹. Представители духовенства обратили внимание и на образовательный ценз будущих шульмейстеров, признавая существующих учителей стоящими ниже требуемого образовательного уровня. Они думали об устройстве учительской семинарии на подобие прибалтийских. Саратовская Контора сочувственно отнеслась к стремлениям духовенства, думая теперь воспользоваться сельскою школою для обучения колонистов русскому языку, ибо указанный выше способ ознакомления колонистов с государственною речью на практике, конечно, оказался неприменимым. В 1820 году председатель Саратовской лютеранской консистории, супер-интендант Фесслер, поднимал вопрос о расширении школьного курса, введении преподавания русского языка, устройстве удобных школьных зданий и заведении на счет сельских обществ учительской семинарии, при сборе 54 коп. с ревизской души. Действительно, трудно было ожидать успехов от учителя, умеющего лишь внятно читать по-немецки, знающего библейскую историю и малый катехизис, при некотором навыке в катехизации, хоральном пении, игре на органе и едва знающем действия арифметики, немецкое чистописание и правописание, обыкновенно церковного звонаря, органиста и в большей мере кистера. Дело пошло через Саратовскую Контору в Петербург. Однако Министерство Внутренних Дел, заведовавшее тогда колониями отклонило проект Фесслера, признав, что предположенный налог будет обременителен для населения, что нужды в учительской семинарии нет, а для приготовления учителей нужно лишь приискать двух-трех хороших шульмейстеров, прибавить им жалованья и заставить их сформировать комплект учителей. Расширять школьный курс. министерство нашло излишним, думая, что для колонистов достаточно умения читать и писать по-немецки, знания 4-х действий арифметики да исполнения конфирмационных требований по Закону Божию. Введение в

сельские школы преподавания русского языка согласно проекта было признано излишним. Между тем лучшие люди обществ и сама Саратовская Контора добивались именно того, чтобы в школах преподавался русский язык столь необходимый в сношениях Конторы с колониями и последних с русским населением. Министерство не пошло на встречу этой потребности признанной даже генерал-супер-интендантом; оно предложило Конторе объявить колонистам, что их дети могут учиться русскому языку в русских училищах, оставив колониетские школы в первобытном состоянии.

Но упорные колонисты не оставляли помыслов о расширении курса сельской школы до служения последней насущным потребностям колоний. В 1825 году появился новый проект лесно-карамышского пастора Конради. Если правительству не хотелось реформировать существующие школы, то теперь предположено было создать в колониях новый тип школы: именно для приготовления знающих русский язык сельских начальников и писарей. Такая школа по проекту пастора должна была быть открыта в колонии Лесном Карамыше, Камышинского уезда, Саратовской губернии. Училище предполагалось на 60 человек. В нем должны были проходиться священная история, катехизис, русский и немецкий языки, арифметика, география, церковное пение. Преподавание должно идти под руководством пастора. Часть предметов: русский язык, арифметика, география должны преподаваться по-русски, и учителю „русских предметов“ полагалось жалованья 800 р.; учителю „немецких предметов“ — лишь 500 рублей. Церковное пение должен был преподавать шульмейстер местного сельского училища за 200 р. в год. Главнейшим предметом школы предполагался русский язык. Самая школа по проекту пастора подчинялась не консистории, а главному судье Саратовской Конторы с правом награждать, увольнять и назначать учительский персонал. Содержание предполагаемого училища однако не обеспечивалось определенным ассигнованием, а лишь взносом за право учения и пособием из „штрафной суммы“ Конторы. Ясно, что пастор Конради составил проект по желанию Саратовской Конторы уже сознавшей свою обязанность заботиться о народном образовании колоний. Он тщательно старался обойти в проекте все то, на что налагало свое veto Министерство Внутренних Дел. Саратовская лютеранская консистория, видя в осуществлении проекта средство

избавиться по возможности на долгое время от вопроса о реформе сельских школ и из угождения Саратовской Конторе, одобрила проект. Сама Контора опекунов иностранных выразила полнейшее сочувствие проекту, представила его в Министерство Внутренних Дел на утверждение и усиленно старалась убедить министерство, что русский язык весьма нужен всем иностранным поселенцам входящим в сношения с коренным населением; в особенности же он необходим сельским и окружным начальникам. Между тем государственный язык нигде в колонию школах не преподается. Контора пошла дальше: она предположила открыть 2 училища по сказанному проекту — для нагорной и луговой стороны, но умолчала об определенных средствах содержания этих школ, надеясь устроить это дело своею властью. 3-го октября 1828 года Департамент сельского хозяйства министерства ответил на просьбу Конторы, что он сомневается в успехе проекта Конради, тем более, что нет указания на определенные источники содержания школ и не указано откуда взять пригодных учителей. Начиная склоняться на убедительные просьбы Конторы дать ей возможность иметь знающих русский язык сельских начальников, Департамент теперь сам предложил Конторе „войти с духовным начальством колоний в рассмотрение — не можно ли учредить в колониях простые хорошие сельские школы, где бы, кроме Закона Божия, колонию дети обучались читать и писать хорошо и основательно по-немецки и по-русски и первым правилам арифметики; если же которые мальчики окажут охоту и способности к вящему обучению, таковым предоставить обучаться в губернской гимназии“. Значит, министерство теперь предложило то, что признавало излишним несколько лет тому назад. Но это дело приняло другой оборот, ибо вопрос передавался на усмотрение инославного духовенства и решение его зависело от воли консистории.

Такой ответ не удовлетворивший Контору развязал руки лютеранской консистории. Правда, он признавал не совсем удовлетворительное состояние существующих училищ, как бы направляя духовенство к реформированию их в сказанном направлении. Но консистория увидела в ответе Департамента большее, для нее страшное: первые шаги к обрусению колоний путем школы, установление связи между немецкими училищами и русскими образовательными заведениями. Духовенство крепко схватилось за дарованные ему распоряжением 1819 года права и

решило не допускать никаких изменений в существующем строе сельских училищ колоний; напротив, употребило все усилия закрепить за собою эти права законодательным порядком и дискредитировать попытки Саратовской Конторы производить нововведения в школьном деле колоний. К стыду нашему нужно признаться, что цель была достигнута: русское правительство долго не вмешивалось в жизнь сельских немецких школ Поволжья, этих ячеек немецкого сепаратизма, вопреки желанию общин и Саратовской Конторы.

Прежде всего духовенство поспешило сельские общинные школы переименовать в церковные, упорно настаивая на этом; хотя Саратовская Контора и Министерство Внутренних Дел ни разу не называли их таковыми, именуя просто сельскими училищами, на подобие обыкновенных сельских приходских училищ по Уставу 1828 года. Далее было решено фактически соединить шульмейстерство с кистерством и тем вполне подчинить консисториям сельского учителя, который теперь хоть и выбирался общиною, но утверждался уже консисторией с согласия местного духовенства. Устроив это дело, духовенство заявило министерству, что „обучение российскому языку в церковных школах ввести нельзя по той причине, что, во-первых, нет способных, знающих этот язык шульмейстеров; во-вторых, такое введение не только будет бесполезно, но и во вред главному предмету — Закону Божию“. Другими словами, духовенство отказалось от расширения программы в государственных интересах. Оно пошло еще дальше. Соглашаясь дотоле с Саратовскою Конторой о полезности учреждения в колониях училищ по проекту Конради, консистория теперь повернула фронт и открыто заявила, что не ожидает пользы и от учреждения двух особых училищ, одного для колоний луговой стороны, другого для колоний нагорной стороны: „ибо колонисты кои пожелают выучить своих детей по-русски поместят оных в городские народные училища и гимназии“. Значит, сельских народных училищ с русским языком духовенству было не нужно.

Такое упорное нежелание допускать в колониях преподавание русского языка якобы в ущерб Закону Божию, такое усиленное желание считать существовавшие сельские училища лишь конфессиональными, чисто духовными, по центральному предмету преподавания — Закону Божию, едва ли не было вызвано Высочайшим повелением Императора Николая

Павловича, от 19-го августа 1827 года, на имя министра Народного Просвещения. По Высочайшей воле надзор министерства отныне должен был распространиться на все училища, кроме военных и духовных. Инославные консистории понимали, что колонистские школы должны подпасть министерскому надзору. Отсюда упорное заявление, что это школы — церковные, готовящие лишь к конфирмации, следовательно не подлежащие ведению министерства. Действительно, лишь 10-го августа 1845 года, т.е. через 18 лет после Высочайшего повеления, последовало министерское распоряжение на имя попечителя Казанского учебного округа о подчинении ему школ при церквях иностранных исповеданий состоящих в ведомстве Министерства Внутренних Дел. Доселе колонистские школы ведались лишь духовенством колоний и только теперь подпали высшему наблюдению со стороны директора Саратовской гимназии и штатных смотрителей местных уездных училищ.

Упорно преследуя намеченную цель, инославное духовенство постаралось провести свои немецкие идеи и в Устав иностранных исповеданий (1832 г.). По этому уставу колонистские училища признаны конфессиональными, задающимися целью лишь готовить детей колонистов к конфирмации. Школы уже прямо названы церковными. Духовенство теперь обязывается самим правительством при каждом удобном случае внушать прихожанам, чтобы те посылали детей в церковные школы коих главное назначение состоит в преподавании юношеству Закона Божия с церковным пением, для удовлетворения религиозных потребностей (ст. 314 Св. Зак., т. XI, ч. I). Кроме этого центрального предмета, в церковных школах допускалось преподавание на немецком языке письма, чтения, 4-х действий арифметики.

Учителями сказанных училищ должны быть кистеры местных церквей выбираемые по указанию духовенства сельскими обществами чрез особых представителей и утверждаемые консисториями. Наблюдение за преподаванием возложено на местное духовенство. Патеры и пасторы должны были посещать школы своего прихода в том селении, где сами жили, еженедельно; в прочих, по крайней мере, однажды в две недели. Кроме сих непременно посещений, проповедники обязывались делать внезапные, неожиданные для учителей и учащихся посещения (ст. 322). Все это имело целью иметь неослабный надзор за преподаванием Закона Божия. В школах заведены были

книги для записи визитаций. Эти книги просматривались пробстами, деканами и служили доказательством, что местные приходские священники пекутся о религиозном обучении своих прихожан. Кроме местного, приходского духовенства, школы должны были посещаться деканами, пробстами, которые по 409 ст. Устава иностранных исповеданий обязаны были требовать от патеров, пасторов, кистеров и церковных старост подробные и точные сведения о состоянии немецких церковных школ.

Наконец, во главе всего этого надзора стояли инославные консистории, которым по 444 ст. принадлежало высшее наблюдение за школами. Даже материальное обеспечение этих училищ зависевшее доселе от воли немецких общин, по общественным приговорам, тоже получило точную регламентацию. При каждой церкви устанавливалось церковное попечительство под председательством местного священника³. Такого рода попечительства входили в соглашения с местными священниками (на основании 398 ст. Устава иностранных исповеданий) относительно выбора, отрешения кистера-шкульмейстера, и в случае несогласия по сим вопросам дело переносилось на разрешение инославной консистории. По ст. 768 эти попечительства должны были помогать местным священникам в наблюдении за обучением юношества. Церковные старосты бывшие членами попечительств, по 777 статье Устава, могли следить даже за поведением учителей колонистских церковных школ.

Право на преподавание в колонистских церковных школах отныне стало получаться кандидатами на съездах пасторов или от консистории. Установлена была особая „Вспомогательная касса“, средства которой шли, между прочим, на приготовление школьных учителей. Кистеры, канторы, органисты и звонари, кандидаты на учительские должности, именовались уставом церковно-служителями по найму и по должности своей обязывались по закону (ст. 400) в точности исполнять приказания приходских священников. Шкульмейстерство освобождало их от военной службы, хотя не освобождало от платежа подушного оклада (распоряжение 28 декабря 1832 года, 30 июня 1839 года).

³ По закону, приходские попечительства имели право приобретать недвижимые имущества по всей России, даже в столице. Например, в Москве есть великолепный дом Сарептского евангелическо-лютеранского приходского попечительства против церкви Богоявления в Елохове. *Ред.*

Заботы о благоустройстве самых школьных помещений, или шульгаузов, возложены были на церковные попечительства, с пособием из Вспомогательной кассы колоний. Эта же касса взяла на себя издание учебных пособий и снабжение ими школ. Но главный источник обеспечения церковных училищ в колониях представляли так называемые школьные кассы заведенные при каждом училище, поставленные в неразрывную связь с фактическим введением в школах обязательного обучения, в силу конфессионального характера самых училищ. Дело в том, что, согласно приложения к статье 322 Устава иностранных исповеданий, каждый отец семейства из колонистов обязывался посылать своих детей, питомцев, учеников и слуг обоюбого пола, которым минул седьмой год от рода для изучения катехизиса с начала октября до конца марта в церковную школу и каждое воскресенье для слушания преподавания катехизиса. При этом шульмейстер вел список всем детям обязанным учиться катехизису и ежедневно делал переключку по сему именному списку, внося отсутствующих в особый список, для передачи сельскому начальству. Последнее, получив список, немедленно осведомлялось в семействах о причине уклонения учащегося от урока, и если находило причину законной, отмечало о ней против имени учащегося, а за не бывших без законной причины взыскивало с главы семьи установленную пеню (ст. 9 прилож. к ст. 322). Законными причинами признавались лишь болезнь самого ученика, необходимость ходить за больным в семье, смертный случай в семье, но только до окончания похорон, ненастная погода при дальнем пути. Все же другие случаи подвергались обсуждению сельского начальства которое могло признать ту или другую причину законною, но могло и не признать. За уклонение ученика от занятий глава семьи платил за каждый раз по 3 копейки, считая отдельно занятия до обеда и занятия после обеда. Пеня взыскивалась сельским начальством и передавалась вместе со списками церковным старостам под их расписки для причисления к школьной кассе. Последняя управлялась на тех же основаниях как и всякое церковное имущество, и местное духовенство фактически имело ее в своем распоряжении. Штрафные деньги употреблялись на покупку учебников бедным ученикам, на награды за успехи. Если глава семьи не был в состоянии внести пеню, то употреблялся на общественную работу, именно за каждое отсутствие ученика по половине дня. Одним словом, все

было предусмотрено и узаконено. Штрафные деньги давали школам порядочные средства.

Вот как увенчались все старания инославного духовенства оградить немецкие колониетские школы от всякого русского влияния! Оно достигло цели и удерживало школы в своих цепких руках почти полвека, не позволяя никому вмешиваться в это дело, успешно отбиваясь от притязаний Саратовской Конторы. Делу духовенства не причинило ущерба и упомянутое выше распоряжение министерства (1845 г.) о наблюдении за школами со стороны Саратовской дирекции. Это наблюдение сводилось к минимуму, почти к нулю. Наоборот, съезды пасторов колоний сами составляли школьные правила, в которых точно регламентировались отношения к школам духовенства, обязанности шультмейстеров, общин, методы преподавания, меры взыскания, способы материального обеспечения школ, развивая до мелочей основные положения Устава иностранных исповеданий. Все эти правила одобрялись консисториями, не были известны дирекциям, но имели значение правительственных распоряжений в глазах шультмейстеров и колониетов. И чем дальше шло время, тем разностороннее вырабатывались эти правила немецких церковных школ, совершенно замыкая училища в сферу церковности и узкого немецкого национализма, не допуская ни малейшего стремления ознакомить детей в школе с новым отечеством, его языком, если не считать, например таковым допущения в немецких школах писать русские буквы (по правилам 1863 года).

Интересна характеристика результатов замкнутой немецкой церковной школы, сделанная саратовским губернатором во Всеподданнейшем отчете за 1833-й год. Губернатор, описывая цветущее положение колоний, заметил, что „немногие из колониетов и то с трудом объясняются по-русски; все они почитают себя германцами, не знают наших законов, полицейские требования и повинности исполняют медленно и приметно стараются избегать всякого сообщения с Русскими“. Не смотря на то, что Государю Императору благоугодно было обратить на это Монаршее внимание и через Комитет Министров затребовать заключения от Министерства Внутренних Дел, колониетские школы остались по прежнему немецкими, конфессиональными. По прежнему дети колониетов с семи до пятнадцатилетнего возраста собирались в шультгаузах, правда, теперь представлявших

обширные, светлые каменные или деревянные помещения на несколько сот человек.

Дети усаживались на скамейки, приготовленные собственно для молящихся, делились на восемь групп. В школах производились занятия под руководством кистер-шульмейстера, иногда при помощи помощника из органистов, канторов. Преподаватели больше надзирали за массой учащихся чем учили, поддерживая дисциплину путем наказаний, нередко телесных, нашедших детальную разработку в пасторских школьных правилах и применявшихся даже в шестидесятых годах текущего столетия. Учение было преимущественно хоровое, механическое; обращалось внимание главным образом на выучку молитв, гимнов, библейских рассказов и малого катехизиса; письмо и арифметика были в забросе, да и невозможно было достижение удовлетворительных результатов при самой жалкой подготовленности самих шульмейстеров, для которых излишни были методические указания, помещенные в школьных правилах (1868 г.), ибо они их не понимали по своей необразованности, а следовали отцовским и дедовским приемам как приемники своих отцов по кистер-шульмейстерству. Вот, например, какие результаты дала эта немецкая школа в колониях. В 1862 году по распоряжению Саратовской Конторы была сделана перепись всего грамотного населения колоний в возрасте от 15 до 30 лет, дабы узнать какие плоды принесло колониям обязательное обучение. Оказалось, что лишь 36,3% могли прочесть печатное, а писанное всего 4%; писало свободно 2,4%, умело подписывать свою фамилию 26,2%; умело считать 2,6% и разбирало цифры 25,2% населения колоний в сказанном выше возрасте (Клаус).

Прекрасная характеристика немецкой церковной школы во втором периоде ее существования, т.е. под непосредственным управлением инославного духовенства, представлена управляющим Саратовской Конторой г. Шафрановым, посетившим зимою 1867 года Лесно-Карамышское церковное училище. „Училищный дом“, говорит г. Шафранов, „весьма приличной наружности, значительных размеров и состоит из одной залы с 18 окнами в долевых стенах. Я нашел в ней 450 человек учащихся, в том числе 100 человек девочек от семи до пятнадцати лет, и это было только половинное число, так называемый утренний класс; другие 450 человек приходят учиться после обеда. Сидели все на весьма узких, тонких и длинных

скамейках, держа в руках книги на весу, потому что столов при скамейках не было, а близь кафедры расположены были три или четыре стола для обучения избранных письму. У учителя был помощник, занимающийся с азбучниками (человек 100) в полголоса и отдельно с каждым в то самое время как учитель выслушивал громкое чтение заветников; ответы же по другим предметам давались постоянно оглушительным хором. В стороне, на окне я заметил свежую таловую палочку в поддьюма толщины и длиной с аршин. Дети сидели чрезвычайно тесно, в верхнем платье и в мокрой от снега обуви; почти у всех лица были в поту. Не смотря на солнечное утро, среди залы едва можно было читать: до того она наполнена была каким-то паром. Сопровождавшие меня, не привыкшие к школьной атмосфере люди скрылись через четверть часа. Следовало уже ожидать, что при такой обстановке о преподавании в смысле умственного развития не могло быть и речи: все ограничивалось строжайшим выполнением школьного механизма без чего, конечно, и нельзя было бы держать эту массу живых тел в неподвижном порядке. Посетил я так же и после-обеденный урок в котором участвовали другие 450 человек учащихся. Когда я раздумывал какие телесные и тем паче нравственные усилия потребны учителю на одно то, чтобы поддерживать только дисциплину, на глаза вдруг попала виденная мною поутру палочка; но она была вся обломана, и оставалось от нее немного больше того сколько можно в руке держать. Тут я догадался о дисциплинарном секрете, и догадку мою подтвердил после сам учитель, рассказавший, что средневековые пали (удары палкой или линейкой по ладони) царствуют во всех колониетских школах“.

Что касается методов преподавания, то тот же управляющий передает, что в нагорной стороне пасторы большею частью запретили шульмейстерам свободное объяснение данных им в руки учебных книг. Хотя пасторы собственно не подают вида, что запрещают; но если о том про кого узнают, то назовут гордецом, глупцом и при первом случае хотя бы и под другим предлогом дадут почувствовать, что шульмейстер не имеет права ни на шаг отступать от буквы. Пасторы говорят: „Что значит Бог, грешник, покаяние, вера и т. п., — все содержится в книге; пусть только дети выучат это наизусть, и ваша обязанность будет совершенно исполнена; объяснение же дозволяется только пастору“.

„Я“, пояснял г. Шафранову другой учитель, „прочитываю ученикам каждый вопрос 30—50 раз и заставляю это же делать ученика, потом заставляю всех пропеть то же самое 50 или 100 раз кряду, потом раздаю 5 — 10 ударов по рукам палкой тем кто не перескажет наизусть“.

Понятно, заключает г. Шафранов, — что такое обучение есть несказанное мучение и для учителя, и для учащихся, при чем убиваются и охота, и силы, и время для занятия другими предметами, а между тем это везде так. Одна глава из малого лютеранского катехизиса, известное число библейских текстов, часто превосходящее силы учеников, и одна церковная песнь из 3-12 стихов задаются ученику еженедельно для заучивания наизусть. Никаких объяснений не предпосылается.

Не менее оригинальные методы употреблялись при изучении библейской истории. В одной школе, по словам г. Шафранова, полагалось, чтобы каждый ученик выучивал по две строчки по порядку и выходило, что дети все знали известную библейскую историю, а каждый — лишь выученные строчки. И этот метод употреблял шульмейстер слывший за лучшего и дельнейшего. В другой школе шульмейстер особенно нахваливал тот метод обучения когда дети отвечали слово в слово но книге, но невпопад и без размышления. Пасторы спрашивали ответить хором, и ученики приучались отвечать хором.

Г. Шафранов отметил „разительное несоответствие между результатами школьного обучения в колониях и усилиями населения, которые весьма значительны“. „Родители“, говорит он, „по закону принуждены посылать детей своих обоего пола в школу в продолжение 8 зим под опасением оштрафования 3 коп. сер. за каждый урок, т. е. утренний особо и особо за послеобеденный где введены таковые, значит по 6 коп. в день. Освобождаются от штрафа только больные. Но сколько есть бедных родителей, которые не могут посылать детей в школу по неимению для них обуви и теплого платья? Если они не в состоянии удовлетворять этим первейшим потребностям, то естественно они не в состоянии заплатить и штрафа, а потому их отдают в невольную работу на уплату штрафа за не посылку детей в школу, иначе сказать, за неимение средств обувать и одевать своих детей; значит, наказывают собственно за бедность и наказывают тем, что отнимают последний источник пропитания — свободу труда. Оттого не один старшина признавался мне, что

взыскание школьных штрафов есть самая сердцераздирающая их обязанность, и что они часто предпочитают подвергнуться всей жестокости гнева пасторов, весьма ревниво оберегающих школьные свои права, нежели заведомо лишать бедняка возможности добывать семейству кусок хлеба“.

„Вот как велики усилия колонистов к обучению детей: между ними нет ни одного не учившегося!“ восклицает г. Шафранов. „Но откуда взялись между ними безграмотные? Почему между ними 15 человек из 100 не умеют ни писать ни читать? Стало быть, это разучившиеся грамоте, весьма яркий признак крайней неудовлетворительности обучения и недостаточной применимости его к быту населения. Столь же неутешительно и то, что из 85 считающихся грамотными только 11 человек могут разбирать писанное; из числа этих только 6 могут сами написать и лишь пятеро знают 4 арифметические действия. Следовательно из 100 обучающихся в церковных школах только пятеро научаются читать, писать и считать, т. е. в восьмилетний курс достигают этой наименьшей меры элементарного обучения“.

Такая характеристика колонистской церковной школы, сделанная компетентным и официальным лицом, глубоко задумывавшимся над судьбой образования в вверенных его попечению колониях, не требует разъяснений и прекрасно доказывает каких плодов достигло инославное духовенство в своих усилиях уединить церковную школу и не допускать в колониях ни частных, ни правительственных училищ с русским языком.

Между тем ненормальное положение церковных школ продолжало существовать, хотя колонии перешли в ведение Министерства Государственных Имуществ. Духовенство думало исправить дело введением новых правил созданных пасторами и одобренных консисторией; оно надеялось отстоять прежнее положение дела, пока наконец не последовало в 1881 году по этому вопросу Высочайшее повеление. Государь Император по Всеподданнейшему докладу министра Государственных Имуществ, основанному на соглашении с министром Народного Просвещения, во 2-й день мая 1881 года Высочайше повелеть соизволил: центральные училища и сельские школы в бывших немецких колониях передать из ведомства Государственных Имуществ в ведение Министерства Народного Просвещения вместе с фондами и сборами, на счет которых эти училища и школы содержатся, а также со всеми принадлежащими сим

заведениям имуществами. При новом порядке управления пре-доставлялось инославному духовенству лишь наблюдение за религиозным образованием юношества в означенных заведениях.

Издание указа должно было изменить условия существования колониетских школ. Действительно с этого времени замечается постепенное вмешательство чинов учебного ведомства в управление немецкими церковными школами и они начинают третий период своего существования. Но такая перемена требовала полувековой борьбы против сепаратистских стремлений инославного духовенства.

III.

Саратовская Контора оставив пока в покое сельские школы не думала совершенно отказываться от мысли устроить в колониях отдельные школы с русским языком. Вскоре на помощь Конторе явился упомянутый выше Всеподданнейший отчет саратовского губернатора о состоянии губернии за 1833 год. Государю Императору благоугодно было через Комитет Министров потребовать по сему заключение от Министерства Внутренних Дел, а последнее запросило Контору. Последняя поспешила воспользоваться случаем и представила проект устройства 5 отдельных русских училищ, по одному на 2 округа, с 300 учащихся во всех 5 школах. Составители проекта смотрели на устройство сих училищ с обучением русскому языку как на первый шаг, замышляя по прошествии 6 лет получить из этих школ учителей знающих государственную речь и потом ввести обязательное обучение русскому языку в каждой колонии. Но Комитет Министров испугался такой меры, особенно же расходов на проектируемые школы, и постановил „во избежание издержек потребных на заведение сих школ ограничить в первый раз учреждение оных в Саратовских колониях только двумя школами с назначением для каждой только по 25 учеников, с тем чтобы заведение оных в прочих колониях, если сие окажется нужным, отложить до заплаты поселенцами казенных долгов“ (Клаус).

Мы видим, таким образом, что правительство хотя и решилось открыть два училища, но все еще не считало устройство русских школ для немцев вопросом государственной важности.

Сказанные два училища, по проекту 1825 г., но с ограниченным

комплексом, были открыты Министерством Внутренних Дел — одно в колонии Екатериненштадт, другое в колонии Лесной Карамыш на средства местного населения. Постановка учебного дела в них не была удачной вследствие недостатка подходящих учителей, невыработанности программ и вследствие того, что на эти школы очень много возлагалось, а подготовленного контингента учащихся для них не оказалось. Школы почему-то были приняты холодно, владели жалкое существование, перемещались, соединялись в одну, разъединялись и наконец, в 1859 году, превратились в Екатериненштадтское центральное двухклассное училище, после того как признаны были неспособными готовить учителей, знающих русский язык. Об открытии таких же училищ в других округах уже не было и речи. По образцу Екатериненштадтского вскоре открылось двухклассное центральное училище с подготовительным классом в Лесном Карамыше. Сказанные школы ведались Саратовскою Конторой и, хотя дирекция училищ имела право надзора за ними, были учреждениями правительственными, управлялись по особой инструкции, но содержались на счет немецких общин. Устройство центральных школ было делом уже другого министерства, именно: Министерства Государственных Имуществ.

По смыслу сказанной инструкции, выработанной в Петербурге и утвержденной министром Государственных Имуществ 29 октября 1859 года, училища учреждались: 1) для приготовления знающих русский язык учителей сельских приходских школ в колониях Самарской и Саратовской губерний и 2) для распространения знания русского языка между колонистами означенных колоний.

Училища, находясь в ведении Саратовской Конторы, управлялись особыми начальниками, назначаемыми из старших учителей. Всех учителей в училище полагалось 3, кроме законоучителей — патера и пастора. Все они должны быть или кончившие курс в русском университете или, по крайней мере, в русской гимназии; в последнем случае требовалось звание домашнего учителя. Преподаватели на службе в училищах получали права учителей уездных училищ, при окладе жалования в 350 рублей.

Предметами преподавания в двух классах училища должны быть Закон Божий, русский и немецкий языки, арифметика, естественная история, география, история, преимущественно

России, чистописание. По русскому языку нужно было пройти грамматику и научить детей устно и письменно излагать мысли. Изучение русского языка должно сопровождаться сравнением с формами немецкой речи. Курс немецкого языка заключался в практическом изучении немецкой грамматики. По арифметике полагалось пройти до тройного правила включительно; кроме того, требовалось упражнять учащихся в линейном черчении простых геометрических фигур. Курсы естественной истории, истории и географии заключались в наглядном сообщении главнейших элементарных сведений по „Другу детей“ Максимовича с соответствующими пояснениями со стороны преподавателя. Ученикам должно было преподаваться русское и немецкое чистописание, а также пение, преимущественно духовное. Курс Закона Божия лютеранского и римско-католического вероисповеданий заключался в прохождении Священной истории и катехизиса в объеме необходимом для будущих кистеров.

Все предметы должны преподаваться учителями, знающими русский язык. Естественная история, география, история и русский язык должны были преподаваться на государственном языке, остальные предметы — на немецком.

По каждому предмету, кроме Закона Божия, рекомендовались русские и немецкие руководства; последние — для того, чтоб учитель пользовался ими как материалом для извлечений и переводов на русский язык в потребных случаях.

Все преподавание должно было иметь строго практический характер; конечной целью его должно было быть: усвоение учениками русской речи, сообщение им знаний, необходимых для учительства, умственное и нравственное воспитание их в идеях государственных. Для достижения последнего устраивался при училище интернат на 50 воспитанников.

Прием в училища производился из числа колонистских детей, обучавшихся в церковных школах, избранных обществами колоний, и из сирот, с тем чтобы из каждого округа в училище поступало не менее 5 человек. Дети должны были уметь читать и писать по крайней мере по-немецки, быть не моложе 14 и не старше 16 лет.

Курс учения предполагался трехлетний, т. е. по полтора года в классе.

Испытание учеников в знании пройденного курса были

полугодовые или частные, производимые начальником училища, и общие — в конце учебного года, в присутствии одного из членов Саратовской Конторы, директора училищ и штатных смотрителей ближайших уездных училищ. Испытания эти должны были производиться посредством письменных вопросов составленных учителями и рассмотренных управляющим Конторой, по два вопроса на каждого ученика (по жребии); при этом один вопрос разрешается учеником словесно, а другой — письменно. Письменный ответ рассматривался преподавателем предмета. Для бóльшего удостоверения, что оканчивающие курс воспитанники свободно пользуются русской речью, им делалось устное и письменное испытание в переводах с немецкого языка на русский и обратно. Окончившие курс ученики выпускались кандидатами на должности шульмейстеров в церковных школах и за казенное содержание обязывались прослужить 6 лет на учительской должности. Слишком молодые кандидаты должны были назначаться помощниками шульмейстеров. Выпущенные учителями приходских училищ воспитанники имели право пользоваться на месте службы жалованием от 100 до 150 рублей в год.

Для надзора за ходом учебного дела управляющий Саратовской Конторой обязывался обзирать училища лично не менее одного раза в год и через доверенных чиновников Конторы по своему усмотрению. „Цель этих осмотров есть изучение потребностей заведения как постоянных, так и временных, для удовлетворения тех и других“, говорит инструкция. При посещении училища нужно было обращать внимание на успехи учеников по предметам и преимущественно на знание ими русского языка, на воспитательную и хозяйственную часть и о результатах осмотра каждый раз доносить Первому Департаменту Министерства. По истечении года управляющий Конторой обязывался помещать в отчет особую статью о состоянии училища.

На содержание училища ежегодно ассигновалось 4917 р. 50 коп. Эта сумма собиралась с колонистов на основании ст. 232 т. XII Устава о колониях.

Инструкция, составленная в министерстве, подробно регламентирует вопросы воспитательной и хозяйственной части. Что же касается программ учебных предметов, то в данном случае она уклоняется от точных и ясных указаний. Особенно это заметно

по естественной истории, географии и истории. Нельзя не заметить, что инструкцией рекомендуются немецкие руководства, преимущественно заграничные.

Екатериненштадтское училище открылось в 1859 году. Но скоро нужно было реформировать его. Созданное по петербургскому проекту, оно сразу же оказалось не вполне соответствующим местным условиям. Прежде всего, церковные школы были так низки в образовательном отношении, что не могли представить в школу подходящих кандидатов. Далее, оказалось, что в 3 года невозможно достичь требуемых результатов. В 1866 году при Екатериненштадтском училище был открыт приготовительный класс, а Лесно-Карамышское училище уже прямо открыто было с приготовительным классом. Опыт показал, что этот приготовительный класс нужно было разделить на два отделения, так что училище в 1879 году уже было четырехклассным, с шестилетним курсом. В школе, основанной для подготовки учителей из немцев, первоначально не существовало никаких занятий по педагогике и лишь с 1872 года в число преподаваемых предметов была введена педагогика, а вместо черчения геометрических фигур стала преподаваться геометрия в ее главных чертах и практическим способом.

Так шло дело до 1881 года. Екатериненштадтское и Лесно-Карамышское центральные училища были единственными школами, где колонисты обучались русскому языку и потому прослыли в колониях под именем русских училищ. К сожалению, первые шаги этих школ были неблагоприятно встречены инославным духовенством. Последнее, как известно, проводило через свои консистории мысль, что учителя церковных училищ должны быть обязательно и кистерами. Между тем, центральные училища как и школы, бывшие до них, готовили лишь учителей. Отсюда произошел, например, такой факт, что ученики Екатериненштадтского центрального училища по аттестату имели право быть учителями, но не могли быть кистерами без особого испытания в синодальном собрании пасторов, которые в этом случае твердо и неуклонно проводили свои взгляды о недостаточной подготовленности учеников русских училищ к кистер-шульмейстерству, о необходимости признать центральные училища излишними или реформировать их по балтийскому рецепту. Чем иным как не этим объясняется, например, следующий факт: в 1867 году из 6 воспитанников, окончивших

курс в Екатериненштадтском училище, лишь двое были признаны синодом пасторов достойными кистер-шульмейстерства. Во всяком случае, они были более подготовлены к шульмейстерству, чем разные креатуры пасторов вроде, например, не так давно служившего кистер-шульмейстера Борегардского лютеранского училища Лейриха, Гларусского училища — Бохмана или хоть шульмейстера Базельского училища Лемана, не умеющего даже говорить по-русски. И это происходит на этих днях, на наших глазах! А что было 40 лет тому назад?

Центральные училища сослужили однако другую, не менее важную службу: они давали колониям деятелей на общественной службе, они распространяли в колониях знание русского языка и сближали колонистов с русскими. Это весьма важная заслуга училищ, хотя они по независящим причинам не вполне исполняли то, для чего прежде всего предназначались.

Великая освободительная реформа 19 февраля 1861 года коснулась и жизни колоний. Последние потеряли свое обособленное положение; колонии превратились в обыкновенные сельские общества, а колонисты — в поселян-собственников.

Школьный вопрос, поднятый тогда на Руси, коснулся и колоний. Саратовская Контора доживая свои последние годы занялась этим вопросом по отношению к реформируемым колониям. В 1860 году была произведена обстоятельная ревизия колоний, коснувшаяся и постановки в них школьного учения. Ревизия произвела всенародный экзамен в Поволжье, на месте проверила результаты деятельности церковных школ и центральных училищ. Труды этой ревизии совместно с трудами Саратовской Конторы, особенно ее просвещенного управляющего г. Шафранова, привели правительство к сознанию необходимости реформировать систему образования у немецких поселенцев, что привело к Высочайшему повелению 2 мая 1881 года.

Интересны мнения, высказанные комиссией по поводу результатов всенародного экзамена, показавшего, что восьмилетний курс учения в церковных школах при невозможной школьной обстановке дает в общем всего 20 грамотных из 100 (т. е. умеющих читать, писать и считать). Ревизия признала состояние церковных школ невозможным и пришла к необходимости: 1) устранить духовенство от исключительного заведования школами; 2) отделить в принципе учительство от кистерства, с поручением кистеру лишь преподавания Закона Божия под надзором

духовенства; 3) допустить, как временную меру, соединение учительства с кистерством, но до того лишь времени, как найдутся подходящие лица для исполнения той и другой должности и кистер-учитель делается только кистером; 4) производимое ныне кистеру-шульмейстеру жалованье признать достаточным лишь для учителя и оставить оное неизменным и обязательным для обществ; 5) предложить духовенству войти в соглашение с обществами относительно содержания кистеров; 6) составить программы и правила административного управления применительно к началам, на коих существуют сельские приходские училища в русских селениях; 7) замещать учительские должности учениками русских центральных училищ, а в католических школах — учениками Саратовской католической семинарии. „Школы, преобразованные на этих главных основаниях, по словам отчета о ревизии, могут обещать более успеха и удовлетворять требованиям настоящего положения в колониях. Таким образом достигнется цель правительства и в то же время удовлетворятся потребности и желания лучшей части колонистского населения.“

Как бы в дополнение к трудам и выводам ревизионной комиссии, управляющий Саратовской Конторой г. Шафранов признал и переполненность школ вследствие обязательного посещения последних тоже важной причиной неудовлетворительных результатов школьного учения в колониях. Он советует воспользоваться в этом случае примером постановки начального обучения у эстов и латышей в Прибалтийском крае. Здесь дети до десятилетнего возраста учатся дома у своих матерей и других членов семейств под строгим присмотром пасторов, а в школы поступают лишь десятилетние дети и притом умеющие читать⁴. Эта мера, говорит г. Шафранов, сразу уменьшила бы вдвое число учащихся в школах, дала бы учителю возможность заниматься лишь с более взрослыми детьми и тем улучшить обучение, а матерям — применять свою грамотность на деле. Теперь же грамотность их, не применяясь, быстро испаряется. Самая переполненность школ, по выводу г. Шафранова, тогда есть уже приобретение: „этого уж много, если есть кого учить, лишь бы было кому учить“.

⁴ Подобное же явление мы видим в Финляндии.

Не признавая вполне полезным предложенного комиссией полного применения к немецким церковным школам положения о сельских приходских училищах, Шафранов однако считал необходимым возложить на колонистские школы двойного рода миссию: 1) общеобразовательную и 2) государственную потребность сближения инородцев с русскими. Разделение кистерства и шульмейстерства г. Шафранов нашел весьма полезным, облегчающим труд учителя наполовину. Вообще с приведением в действие мер, предложенных ревизионной комиссией, развязались бы путы державшие колонистские церковные школы в крайней замкнутости.

Думая завершить реформу образования колонистов, г. Шафранов предложил открыть колонистскую учительскую семинарию, которая подготовляла бы учителей в реформированные училища. Он видел, что на деле учительский персонал в колониях пополняется отбросом средних и низших школ или лицами домашнего образования. Мысль о необходимости устроить учительскую семинарию высказывалась Конторой еще в 1820, 1838, 1839, 1841 годах, но она не решалась настаивать на этом, добиваясь сначала устройства русских училищ высшего типа сравнительно с церковными школами. Г. Шафранов пришел к убеждению, что устроенные по министерскому плану так называемые центральные училища на деле не заменяют учительской школы и остаются лишь народными школами высшего типа, распространителями русского языка и образования среди колонистов. Предполагаемая семинария, по словам г. Шафранова, должна быть открыта не в немецком поселении, а в русском, всего удобнее в Саратове, где после закрытия Саратовской Конторы к ее услугам могли явиться здания закрытого учреждения, где центр местной умственной жизни. „Как скоро, заявляет г. Шафранов, — основана будет в Саратове необходимая учительская семинария, которая будет выпускать учителей не только основательно и притом теоретически и практически подготовленных, но и навыкших, сверх того, к живому употреблению русского языка, то учителей таких, конечно, не будут обегать, и они не только поднимут уровень образования в колонистских школах, но будут и действительными распространителями русского языка между колонистами, из которых зажиточные и вообще промышленные люди добровольно и весьма охотно будут посылать к ним своих детей на летний курс

для выучки за особую плату русскому языку, подобно тому, как дети латышей и эстов в Прибалтийском крае учатся у своих шультмейстеров на летних курсах языку немецкому. Нет даже необходимости усвоить предполагаемой учительской семинарии монополию на замещение шультмейстерских должностей в колониях: достаточно узаконить, что вновь определяемые в шультмейстеры лица должны сдавать в учительской семинарии экзамен из русского языка и других преподаваемых в ней предметов в размерах требуемых от выпускаемых ею воспитанников; основание же к тому есть самое уважительное: для разных общеадминистративных надобностей необходимо, чтобы во всякой колонии хоть одно лицо достаточно знало русский язык, а такую обязанность всего естественнее возложить на шультмейстера.“

Для материального обеспечения будущей семинарии могли пойти, по словам г. Шафранова, остатки от содержания центральных училищ, если их превратить в обыкновенные двухклассные училища. Кроме того, есть фонды: 1) переселенческий капитал, часть которого выделена на содержание Лесно-Карамышского центрального училища; 2) капитал из остатков жалования духовенству; об обращении его в учебный капитал Контора уже хлопотала.

Переходя к школам низшего типа, г. Шафранов признавал, что сельскую школу нужно освободить от исключительного заведования со стороны духовенства, что необходимо поднять уровень предлагаемых ею сведений, ввести в ней преподавание русского языка. Он думал связать ее с центральными двухклассными училищами как школами высшего типа, открыв последние по одному на волость или на две волости. Во главе центральных училищ должна была стоять проектируемая учительская семинария. В сельских приходских школах предназначалось преподавание Закона Божия, русского и немецкого чтения, арифметики (с употреблением счетов), кратких сведений по истории, географии, естествоведению, сельскому хозяйству, земледелию на русском языке. Школы реформировались по уставу 1828 года для частных училищ и согласно дополнительных правил 19 февраля 1868 г.

В сельские школы должны были поступать уже грамотные, выучившиеся читать дома. Если в школе будет более 150 человек, то она делится на две: для мальчиков и девочек. Посещение школы

обязательно до конфирмации с 1-го октября до 1-го апреля. Должности кистера и шульмейстера разъединяются: кистер преподает лишь Закон Божий, остальные же предметы преподаются учителем, который ведет школьное преподавание под руководством начальников центральных училищ и учительской семинарии, при наблюдении со стороны губернской дирекции училищ. Учителями сельских школ назначаются воспитанники учительской семинарии, и лишь до времени остаются прежние шульмейстеры. Определение и увольнение учителей предоставляется педагогическому совету учительской семинарии, по сношении с обществом и священником. Жалование учителю должно равняться жалованию кистер-шульмейстера дореформенного церковного училища. Учительская старость должна быть обеспечена, для чего устраивается эмеритальная касса. Хозяйственная часть каждой школы поручалась ведению особого попечительства, состоящего из священника, учителей и представителей от общества. Педагогический совет семинарии обязывался выслушивать заявления духовенства, обществ и, по учебной части, сельских школ; но сами общества не имели права непосредственного вмешательства в учебную часть училищ. Наконец, предусмотрен был вопрос и о кистерах, пропущенный в инструкции центральным училищам. Учительской семинарии вменялось готовить своих воспитанников и для кистерства.

Домашнее образование поручалось надзору священников, а за безграмотных, не поступивших в школу, ответственность перед волостным судом падала на родителей.

Вот те проекты, посредством которых предположено было в конце шестидесятых годов перестроить всю систему народного образование в колониях Поволжья, связав в одно стройное целое и домашнее обучение, и ряд последующих училищ с учительской семинарией во главе, чтобы превратить колонистов из людей чуждающихся всего русского в полезных и преданных граждан России.

Эти проекты завещанные Саратовской Конторой так и остались благими намерениями, пожеланиями людей, желавших добра немецким школам в Поволжье. Можно лишь предполагать, что они сослужили действительную службу разве тем, что содействовали решению правительства поспешить передачей народного образования колоний из мало интересовавшихся им сначала Министерства Внутренних Дел, потом Министерства

Государственных Имуществ, в Министерство Народного Просвещения. Для поволжских немецких церковных школ последовал закон 2-го мая 1881 года, который и призвал училища к новой жизни.

IV.

2-го мая 1881 г. последовало известное уже читателям Высочайшее повеление о передаче центральных училищ и сельских школ из ведомства Министерства Государственных Имуществ в ведомство Министерства Народного Просвещения со всем имуществом, фондами, сборами. За духовенством бывших колоний сохранено было лишь право наблюдать за религиозным образованием юношества в сказанных школах.

Министерство Народного Просвещения и приступило к исполнению воли блаженной памяти Государя Императора Александра III. Прежде всего были приняты Казанским учебным округом центральные училища, которые стали управляться учебным начальством, но еще до 1889 года имели в стенах своих учеников не умеющих свободно пользоваться русскою речью. Училища по-прежнему руководились инструкцией, имели собственно IV класса с шестилетним курсом. В числе предметов преподаваемых в этих училищах теперь встречаются Закон Божий, русский и немецкий языки, русская история, всеобщая история, география, естественная история, арифметика, геометрия, педагогика, музыка, чистописание, пение. Замечательно, что число уроков по русскому языку было очень ограниченное, например, в I классе всего 2, во II классе 2, в остальных классах по 4 урока, а всего в 4 классах 12 уроков. Нельзя не сознаться, что такое количество уроков по главному предмету было более чем недостаточно, особенно, если принять во внимание слабое знание государственной речи у учеников училищ при поступлении в центральные школы и тот факт, что часть предметов преподавалась на немецком языке. Довольно большое разнообразие и количество предметов при слабом усвоении немцами-учениками русской речи, употребляемой лишь в стенах заведения — и то не на всех уроках, — все это не могло не оказывать вредного влияния на успешность занятий в училищах. К тому же пансионы при центральных школах закрылись, ученики

переведены на стипендии и стали жить в немецких семьях.

Сельские приходские училища пока ведались учебным начальством скорее на бумаге, чем на деле. Правда, теперь стали поступать в дирекции народных училищ⁵ сведения о числе училищ, учителей, учеников, о суммах содержания школ, но все эти сведения имели лишь общий характер. Инспекторы народных училищ не имели влияния на выбор учительского персонала и ход занятий. В школах царствовала упомянутая мною выше инструкция для школ и кистер-шульмейстеров 1868 года, одобренная инославною консисторией. Лишь в 1889 году Министерство Народного Просвещения уделяет более внимания на колонистские школы Поволжья. Оно требует, чтобы кистер-шульмейстеры впредь были определяемы пасторами не иначе как с согласия на то инспекторов училищ; чтобы последние предварительно сносились с надлежащими начальствами о благонадежности кандидатов на учительские места; чтобы инспекторы рекомендовали духовенству замещать учительские вакансии окончившими курс в центральных училищах. При Казанском Окружном Управлении в этом же году составлена была особая комиссия, которая постановила изменить программы преподаваемых предметов и число учебных часов в центральных училищах. Так, теория словесности заменена классным изучением образцовых русских писателей; преподавание русского языка поставлено на практическую почву, со введением устных бесед и усиленных письменных упражнений, причем число уроков увеличено вдвое, то есть стало 24 урока в неделю. Отныне все предметы должны были преподаваться на русском языке, кроме Закона Божия и немецкого церковного пения. Комиссия постановила, чтобы как ученики, так и преподаватели говорили между собою в стенах заведения не иначе как по-русски. Уроки по педагогике и по так называемому мироведению отныне заменяются уроками по русскому языку, именно объяснительным чтением образцовых русских писателей. Сообщение необходимейших для будущих учителей колонистских школ педагогических положений должно быть соединено с практическими упражнениями учеников старшего класса. Эти практические занятия должны быть производимы в

⁵ Саратовской и учрежденной 6-го декабря 1850 г. Самарской губернии.

приготовительном классе под руководством преподавателей, при двух часовых уроках по русскому языку и одному часовому уроку по арифметике. Была введена военная гимнастика. Учебное начальство затребовало от педагогических советов училищ программы преподаваемых предметов и обязало советы сообщать о результатах произведенных изменений в ходе учебного дела училищ.

В 1893 году в одном из училищ, Екатериненштадтском, введено преподавание бухгалтерии и счетоводства, а в 1895 году — преподавание Закона Божия для православных учеников школы.

Окружное начальство задумало окончательно взять в свое ведение все колонистские школы, которые доселе не были приняты от духовенства. Предположено было превратить церковные училища в обычные начальные школы. Но оказалось, что в 1890 г. приблизительно лишь одна четверть учительского персонала немецких училищ могла как-нибудь обучать русскому языку; что замена трех четвертей учительского персонала сопряжена с большими трудностями по недостатку кандидатов; что на одного учителя при существующих порядках приходится не менее 200 учеников; что общества не имеют возможности увеличить ассигнование на школы в такой мере, чтобы на одного учителя приходилось не более 100 учащихся; что шульгаузы в то же время служат зимой и молитвенными домами, то есть церковным достоянием. Пришлось вопрос о превращении немецких школ в начальные училища отложить до более удобного времени, за боязнь произвести волнение в колониях перестройкой шульгаузов, за недостатком пригодного учительского персонала и отсутствием материальных средств. Министерство лишь распорядилось (в 1891 году), чтобы шульмейстеры, не знающие русского языка оставались на своих местах в течение только двух лет „для усовершенствования в этом языке“. По истечении этого срока должен быть решен вопрос об оставлении или увольнении их от должности. Около этого же времени (20-го ноября 1890 г.). Министерство Внутренних Дел исходатайствовало Высочайшее повеление, подтверждающее закон 2-го мая 1881 года, чтобы все лютеранские церковные училища в округах Московской и Петербургской лютеранских консисторий со всеми принадлежащими сим школам имуществами были подчинены Министерству Народного Просвещения на общем основании с другими начальными

училищами, находящимися в заведовании этого министерства, но с сохранением права духовенства наблюдать за религиозным воспитанием юношества в сих заведениях. В том же направлении последовало Высочайшее повеление и касательно школ при римско-католических церквях Империи (10-го декабря 1892 г.).

Министерство Народного Просвещения теперь решилось отстранить (по крайней мере формально) инославное духовенство от дела выбора и назначения учителей в церковные школы. Оно распорядилось (24-го сентября 1891 г.), чтобы для более успешного преподавания в колонистских немецких школах впредь до нового положения о сих училищах, в виде временной меры, учителя этих училищ избирались инспекторами народных училищ и по их представлениям утверждались в должностях, увольнялись от оных и перемещались из одного училища в другое директором народных училищ. Инославное духовенство могло теперь влиять на избрание шультмейстера лишь косвенно, соглашаясь и не соглашаясь представить инспекторскому кандидату кистерство, что на деле имело и имеет важное значение, хотя и игнорируется Министерством Народного Просвещения. Такие решительные распоряжения оживили школьное дело в колониях и заставили инославное духовенство призадуматься. Так, например, в Николаевском уезде, Самарской губернии, был съезд пасторов под председательством местного инспектора училищ. На этом съезде было предположено, чтобы в колонистских школах уезда учителями были правоспособные лица. При каждой школе должен быть попечитель и кистер-законоучитель, преподающий и немецкий язык. Он может преподавать русский язык и другие предметы лишь с дозволения учебного начальства, и то в школах с небольшим числом учеников. Если кистер не допущен к учительству, то должен быть особый учитель, и сельские общества обязуются сделать особые ассигнования на учителей. Один учитель может быть лишь на 150 учеников; в противном случае в школах при 300 учащихся должен быть помощник учителя, при 450 учащихся — 2 помощника и т. д. Кистеры-законоучители избираются обществом и духовенством и должны знать русский язык. Кистер, имеющий звание учителя, может быть и учителем, называясь кистер-учителем. Учителя избираются инспектором и утверждаются директором народных училищ, равно и помощники учителей. Попечитель школы избирается сельским обществом по соглашению с пастором и по представлению

инспектора утверждается директором народных училищ. Заведование школой принадлежит или кистеру, или учителю, по усмотрению инспектора училищ. Кистер, заведующий школой, подчиняется в этом случае инспекции, в противном случае — лишь пастору. Жалование учителю предположено в 300 руб., его помощнику — в 240 руб., кистеру-законоучителю — 240 руб., кистеру-учителю — 400 руб. в год.

Так как помещения школ суть молитвенные дома, то до постройки новых школ допускается в шульгаузах совершение церковных треб во внеучебные часы.

Содержание школ обеспечивается ассигнованиями обществ и штрафными деньгами по 3 коп. за каждую половину учебного дня, взыскиваемыми с учеников, не посещающих школы. Эти штрафные деньги составляют специальные средства заведений, собираются через сельского старосту и хранятся в сельском правлении. Хозяйственная часть школы ведается комитетом из председателя-попечителя и членов: кистера, учителя, его помощников. Все более крупные расходы разрешаются инспекцией. Возраст учащихся при поступлении должен быть 9-летний, учение продолжается 6 лет. В школах должно быть 6 групп при двух отделениях. Учение с 3 младшими группами должно начинаться с 1-го сентября, с остальными 1-го октября. Классные занятия с I отделением начинаются с 8 часов утра и продолжаются до 10. II отделение учится с 10 час. утра до 12 час. и с 1 ч. до 3 час. пополудни. В младшем отделении всего 12 уроков в неделю; из них 10 уроков посвящаются Закону Божию и немецкому языку; во втором, то есть старшем, отделении назначается 24 урока, из коих 8 уроков Закона Божия, 12 уроков русского языка и письма, 4 урока арифметики. В старшем отделении учение идет на русском языке.

С этим проектом согласилось и католическое духовенство колоний Николаевского уезда. Можно с вероятием предположить, что сказанный проект был выработан с согласия пророста и декана лютеранских и католических приходов луговой стороны, следовательно, мог иметь значение для колоний и Новоузенского уезда, Самарской губернии.

Одновременно с этим и в нагорной стороне стали выработываться проекты реформы школ согласно новым требованиям, причем в них не заметно такого влияния пасторов, как в приведенном выше проекте, который старается сохранить

влияние духовенства в школе через попечителя и кистера отводить в I-ом отделении русскому языку лишь 2 часовые урока и заставляет детей три года учиться на немецком языке; этот проект особенно старается об обеспечении кистера, возлагая обеспечение учителей и их помощников на благоусмотрение обществ, зная, что эти общества легко могут и отказаться от ассигновок на школы. Проект, касающийся школ нагорной стороны, составленный самим инспектором училищ Саратовского уезда, скорее грешит с другой стороны: он смотрит на колониетскую школу, как на начальное народное училище и вводит систему преподавания обычной русской школы, забывая, что в инородческой школе нужны некоторые приспособления к исключительным условиям, нужен иной метод обучения русской речи.

Неизвестна судьба этих проектов. Инославное духовенство, видя усиленную деятельность учебных инспекций по колониетским школам, решило предупредить события. И вот, в 1892 году генерал-суперинтендант Московской евангелической консистории обратился в Министерство Народного Просвещения с заявлением, что было бы желательно ввести в колониетских школах Саратовской и Самарской губерний преподавание на русском языке. Но по наведенным справкам в 1893 г. оказалось, что это лишь благое пожелание и в колониях учить на русском языке почти некому. Так, например, по Николаевскому уезду из 38 учителей и их помощников 24 не в состоянии были вести преподавание на русском языке. Оказалось, что с 1891 года по 1894 год в этом уезде уволены и заменены окончившими курс в центральных училищах лишь 3 учителя. Далее, в 1895 году, по поводу желания окружного начальства узнать, введено ли в немецких колониетских училищах Поволжья преподавание русского языка, пришлось сознаться, что введение преподавания государственной речи имеется далеко не везде, и школы, где сколько-нибудь сносно учат по-русски составляют приятное, но весьма редкое исключение. Обыкновенно в школах отсутствуют и учебники по русскому языку; шульмейстеры некоторых церковных школ считают за преподавание русского языка изучение русского шрифта (согласно пасторской инструкции), преподаваемого в школах колоний. Учителя колониетских школ не знакомы с методами преподавания русского языка инородцам, даже не знают как и приступить к этому делу, тяготея им, ибо на их руках лежит обучение Закону Божию и немецкому языку в

весьма многочисленных, до нельзя переполненных школах. Они связаны по рукам и по ногам кистерством; отношение к пасторам и требования учебного начальства ставят их в тяжелое положение. Им приходится по требованию инспекторов вводить в расписание уроков обязательное преподавание русского языка и арифметики на русском языке; но им некогда обучить всех и Закону Божию с немецким языком. Они должны теперь снова переучиваться, ибо от них требуют изучение натурального метода; от них требуют знание методики преподавания арифметики и чистописания, а они и в глаза не видели методик. В то же время за спинами их стоит инославное духовенство, требующее усиленных занятий по Закону Божию и немецкому языку, отказывающееся подтвердить учеников школ и тем возбуждающее против шультмейстера общество, сплоченное между собою, страшное в своем гневе. Посему и теперь, как и раньше, во времена г. Шафранова, нужно сознаться, что единственным исходом является отделение учительства от кистерства и назначение в школы учителей русского языка хотя бы под именем помощников шультмейстера. Попытки в этом роде недавно уже сделаны усилиями некоторых инспекций, например, Николаевской, и оказали прекрасные последствия. Но отдельные распоряжения инспекций в целях урегулирования школьного учения в колониях есть явление случайное, связанное с той или другой личностью. В этих попытках отдельных лиц нет объединяющего начала, нет законной, твердой почвы. Инспекции, заведующие немецкими школами Поволжья, ни раза формальным порядком не соглашались между собой по школьному делу. Отсюда шаткость начинаний, которые с переменой служебных лиц, их взглядов, разных веяний часто осуждены на изменение и даже уничтожение. Отсюда же вытекает потребность в общих распоряжениях по школьному делу колоний, потребность в общей реформе немецкой колониетской школы.

V.

Что представляет из себя немецкая колониетская школа в настоящее время?

Пред глазами посетителя является прежде всего огромное каменное или деревянное здание, расположившееся вблизи кирхи или костела. Две трети здания заняты просторным залом, а одна

треть, разделенная на 2—3 комнаты, составляет квартиру кистер-шульмейстера; впрочем, последняя часто помещается и в отдельном доме. Просторный классный зал заставлен рядом узких, обычных в кирхах, скамей. Они размещены на подобие буквы П вокруг кафедры, с которой по воскресным дням проповедует пастор или его фактический заместитель — кистер. Посетитель поэтому легко может и не признать на первый раз шульгауз за школьное помещение, видя в нем молитвенный дом. Перед скамьями возвышаются так называемые столы, которые представляют из себя приспособления для поддержания молитвенников и приделаны к спинкам скамеек. Служа приспособлением для молящихся, эти мнимые столы сильно скошены, имеют рамки, весьма узки. Устроенные для взрослых и для других целей, столы и скамьи обязаны на практике служить учащимся самого разнообразного возраста (от 7 до 15 лет), когда в шульгаузе идет учение. Письмо на таких столах немисливо даже стоя, в виду их сильного скоса. Посему учащиеся нередко превращают в столы скамьи, а сами усаживаются на пол и находят для себя более удобным таким образом писать. Размещение скамей вокруг кафедры, помимо несоответствия с требованиями школьной диететики, в некоторых школах поражает еще той несообразностью, что при таком размещении классная доска иногда находится за спинами учащихся, и последним приходится оборачиваться назад, чтобы видеть, что пишет учитель на доске. В некоторых шульгаузах для письма стоят столы, вернее огромные скамьи на высоких ножках, сделанные крайне примитивно и не приспособленные к школьному делу. Просторное и высокое помещение шульгауза нередко отапливается железными печами, трубы от которых идут по классной комнате. Отсюда в классном помещении бывает угарно, во всяком случае пахнет каленым железом.

При шульгаузах не всегда бывают отдельные служители, и нам приходилось видеть, что иногда сами учащиеся носят дрова для топки классных печей. Особенной чистоты в школьных помещениях нигде не замечается. Чистка шульгауза происходит обыкновенно по средам и субботам, и пол помещения сильно загрязнен. Нужно еще прибавить, что колонисты ужь чересчур практичны, и шульгаузы служат населению и домами молитвы по зимам, и школами, и местом для сельских сходов; при этом поселяне не особенно церемонятся с домами молитвы и учения.

Помещения кистер-шульмейстеров, так называемые кистераты, наоборот, поражали нас уютностью, удобствами и приличной обстановкой, которым позавидовал бы любой учитель не только сельского, но и городского училища. При кистератах имеются надворные постройки, огород, в котором шульмейстер сажает овощи, сеет табак; при некоторых школах встречаются садики.

Ежедневно с 1 октября до конца марта огромное помещение шульгауза наполняется детьми разного возраста и пола. Вы увидите тут взрослых, высоких девушек, мальчиков лет 15 и детей 7 лет от рода. Масса в 200, 300, 400 человек размещается 8 группами по скамейкам, и каждая группа начинает свое дело. Учение при такой массе учащихся носит какой-то хаотический характер. Пока учитель занимается с одной группой, другие 7 групп заняты так называемыми самостоятельными упражнениями; но эти упражнения, делаемые почти без надзора не выдерживают критики. Шульмейстеры не столько учат, сколько задают уроки, которые не всегда даже спрашиваются ими. Учение происходит вслух, что производит в классе невообразимый шум. В многолюдных школах иногда тут же занимается и помощник учителя. Дети 7—8 лет, еще безграмотные или малограмотные, должны заучивать молитвы или библейские рассказы; но они могут учить лишь со слов или при помощи учителя, который не может уделить им более получаса в день. В остальное время им предоставляется шалить. Среди огромной массы детей, предоставленных самим себе появляются шалости. На место преступления бежит шульмейстер, и начинается наказание, развлекающее учащихся.

Для самостоятельных упражнений в школах весьма часто не достает книг и аспидных досок; письмо на бумаге представляет приятное исключение. Учебники покупаются родителями, которые крайне не охотно дают деньги, и то лишь на руководства по Закону Божию, а про другие предметы нечего и говорить. Тут нужно внешнее влияние. Например, в Николаевском уезде для снабжения школ учебниками по русскому языку в 1895 г. пришлось обратиться к содействию земского начальника и выписать книги через волостные правления для раздачи по школам. Об учебных пособиях нечего и говорить.

Шульмейстер ведет учебное дело нисколько не сообразуясь с теми положениями, которые встречаются в современных методиках; он следует по дорожке проложенной его отцом, тоже

бывшим шульмейстером. Он не знает о современных методах, а руководствуется лишь пасторской инструкцией, на которую ссылается, когда нужно оправдать какой-либо промах, упущение. Измученный шумом, работой с 8 отделениями, которые приходилось не столько учить, сколько усмирять, шульмейстер рад, когда является какой-нибудь предлог, чтобы прекратить занятия и распустить детей домой. Более совестливые шульмейстеры устраивают учение в две смены, что, конечно, лучше.

Чему учатся в таких школах и при таком порядке? Священной истории, катехизису, песнопениям; учатся читать и писать по-немецки, учатся счислению, но в весьма ограниченном объеме. Учение продолжается 8 лет. Теперь начинают учить русскому чтению и письму; но шульмейстеры относятся к этому делу по большей части формально, чтобы чем-нибудь отвести глаза инспекции народных училищ, а обучение арифметике на русском языке возбуждает одну „печаль“. В шульгаузах теперь вы найдете обучение народному гимну, двум, трем русским патриотическим песням, обучение тому, как надо отвечать при инспекторе или земском начальнике на несколько вопросов, заданных учителем на русском языке, но и только, за весьма немногими исключениями, встречаемыми, например, в школах тех колоний, которые ведут сношения с русским населением, каковы: Екатериненштадт, Ровное.

Чего достигают дети после восьмилетнего учения? Они кое-как читают по-немецки, весьма плохо пишут слабо пользуясь письменным шрифтом. Они знают с грехом пополам молитвы и важнейшие события из Священной истории, выучили катехизис, поют несколько песнопений, но очень плохо; пишут числа, делают вычисления над простыми числами в размере 4 действий, но решать задачи почти не могут. Познания, приобретенные детьми по Закону Божию однако не настолько велики, чтобы дети по окончании школьного курса могли без особых подготовительных занятий выдержать экзамен для конфирмации, и кистеру приходится вести особые занятия с конфирмантами. Знания русского языка, знакомство с жизнью России, историческими событиями и лицами сводится почти к нулю, ибо дети не только не могут говорить по-русски, но даже не во всех школах умеют назвать имена Императорских Величеств, несмотря на то, что изображения Высочайших Особ, стараниями инспекций,

находятся в школах. Дети поют народный гимн, но смысла его не понимают и объяснить не могут; даже передать содержание его для них становится невозможным. Русский посетитель, переходя из одной немецкой школы в другую, к изумлению своему видит, что среди русского населения на его дедине и отчине поселилась народность, которая уже второе столетие пользуется всеми благами жизни в России, но не хочет знать ни языка, ни жизни народа, который гостеприимно приютил у себя этих бездомных пришельцев.

В школах этой пришлой народности кому-то все еще не особенно желательны первые шаги в преподавании русского языка, арифметики на русском языке, русского чистописания, и русские учебники внедряются в немецкие школы лишь в самое последнее время, и то благодаря внешнему давлению. Если раньше немецкая школа находила хотя некоторое оправдание своего сепаратизма именно в особенном, изолированном положении колоний в Поволжье, то теперь, по уничтожении всех особенностей и даровании колониям общего для всей России управления, после целого ряда Высочайших повелений по школьному делу, является ненормальной фактически обособленность немецких церковных школ. Это анахронизм, это болезненный нарост на государственном организме.

Своими школами теперь недоволено и духовенство, вздыхающее о старых порядках и о былом полном господстве в школе; недоволено ими и население, справедливо видя, что они не удовлетворяют запросам жизни; не может быть доволено и русское общество, видя в них одну из препон к объединению инородческого элемента с коренным населением.

Еще более странною покажется ненормальность положения немецких школ в Поволжье, так как на те же школы, например, в Херсонской губернии за последнее десятилетие обращено гораздо больше внимания. Там к ним применены дирекцией школ общие постановления о начальных училищах. Одноклассные, двухклассные и центральные школы благоустроены, снабжены русскими учебниками и пособиями. В одноклассных школах проходит курс русских начальных училищ на русском языке, и лишь на уроках Закона Божия разрешено пользоваться природным языком учащихся. Двухклассные училища приравнены к русским двухклассным училищам Министерства Народного Просвещения и управляются на основании

инструкции 4 июня 1875 г. Преподавание русского языка там ведется вполне целесообразно по натуральному методу и достигает поразительных успехов. Преподаются гимнастика, русское пение, рисование. Школы удовлетворительно обставлены относительно учительского персонала. Для усовершенствования последнего в учебном деле в Херсонской губернии устраиваются временные педагогические курсы. Например, такие курсы были в 1893 и 1894 годах при Гликстальском и Кассельском церковноприходских немецких училищах Тираспольского уезда, Херсонской губернии. Инспекции училищ Херсонской губернии снабжены инструкциями по управлению немецкими школами. Видимо, учебное дело здесь взято в твердые руки и направлено по правильному пути. Для примера возьмем немецкие школы, находящиеся в ведении инспекции училищ 4 района Херсонской губернии; там во всех школах учительский персонал свободно пользуется государственной речью; среди него находятся лица русского происхождения и православного исповедания и попадают учителя и учительницы, окончившие курс в классической гимназии или в женской гимназии. Если еще не так давно в Херсонской губернии преподаватели немецких училищ были слабо подготовлены к педагогическому поприщу: не умели вести правильные занятия с 3 отделениями, имели смутное понятие о звуковом методе, не знали приемов объяснительного чтения, письменные упражнения ограничивали простым списыванием, учили лишь механизму 4 арифметических действий, понятия о методах каллиграфии не имели, предметным обучением не занимались, — то в настоящее время немецкие учителя, путем теоретического изучения и курсов, уже ознакомлены с рекомендованными им педагогическими сочинениями, с образцовыми русскими писателями.

Педагогическая подготовка учителей немецких училищ Херсонской губернии дала дирекции возможность ввести в подведомственных немецких школах обучение на русском языке по курсу нормального одноклассного министерского училища, с наглядным обучением (по натуральному методу) русскому языку тех немецких детей, которые совершенно не понимали русской речи, начиная с преподавания рисования, счета, устройства учебных прогулок и игр именно на русском языке, стараясь такими приемами приохотить инородческих детей к русской школе.

Усиленные заботы местной дирекции и инспекций (особенно 4 района) относительно подъема педагогического образования немецких учителей путем курсов достигли того, что учителя-курсисты по словам, например, самого г. инспектора Шеневского, ознакомились с главными основаниями нравственного и физического воспитания, вникли в вопросы дидактики и училищеведения, приобрели достаточный навык в приемах преподавания, проявили интерес к ознакомлению с русской литературой, улучшили устную и письменную речь, а главное — приобрели стремление к самообразованию, оказывая любовь к русскому делу и выдающееся усердие, которое и может служить порукой, что русский язык, арифметика, чистописание, предметные уроки, рисование, пение, гимнастика — все это не будут лишь пустым звуком или какой-то пародией в учебном деле немецких школ Херсонской губернии, как это мы с грустью видим в колониях Поволжья. Здесь учебное дело так отстало, что не может быть и сравниваемо, как заявляли нам некоторые из шульмейстеров, побывавших на службе в немецких училищах Херсонской губернии. На наши самые скромные вопросы к гг. шульмейстерам немецких школ, например, Николаевского уезда, знают ли они, что такое натуральный метод, что такое звуковой метод, какие методики по обучению чтению, арифметике и каллиграфии они читали, учителя отвечали нам общим изумлением по поводу этих „недоуменных вопросов“, и нам пришлось воочию убедиться, что все касающееся методики, дидактики, училищеведения для гг. шульмейстеров — terra incognita. Какие же это школы, в которых преподаватели не знают своего дела, в которых учебников, кроме руководств по Закону Божию, нет, а об учебных пособиях и не слышали; в которых дети больше шалят, чем учатся, где после 8-летнего сиденья научаются весьма малому и в одностороннем направлении; в которых нет ни программ, ни министерских инструкций, которые вот уже более 15 лет находятся в каком-то промежуточном положении, не будучи ни строго конфессиональными, ни государственными, никого не удовлетворяя и представляя из себя одно печальное недоумение? Да, это печальное недоумение.

Одна коренная реформа немецких колонистских школ может исправить дело. К счастью для дела, недавно состоялось Высочайшее повеление о введении в школах поселян-собственников (бывших иностранных колонистов)

преподавания на русском языке. Государственный Совет, рассмотрев предложение министра Народного Просвещения о предоставлении вверенному ему Министерству права вводить русский язык преподавания в школах, устроенных для поселян-собственников (бывших иностранных колонистов), мнением положил: Предоставить министру Народного Просвещения, по мере возможности, постепенно вводить в школах поселян-собственников (бывших иностранных колонистов) преподавание на русском языке, с тем однако, чтобы природный язык учащихся и Закон Божий их исповедания преподавались на природном языке их, при числе уроков, необходимом для надлежащего усвоения этих предметов. Его Императорское Величество изложенное мнение Государственного Совета 24 февраля 1897 года Высочайше утвердить соизволил и повелел исполнить.

Новый закон, таким образом, подтвердил еще раз то, что вводилось в разных местах местной властью, на основании понимания прежних Высочайших повелений по сему вопросу; он ляжет в основание ожидаемых распоряжений со стороны Министерства Народного Просвещения, в основание реформы в государственном направлении.

VI.

Что же необходимо сделать для уничтожения ненормального положения немецких школ Поволжья?

По нашему мнению, прежде всего необходимо полное, ясное сознание, что только русская школа может воспитывать русского подданного. Нужно отказаться от всяких полумер, приспособлений, никакой пользы не приносящих. Нужно сознаться, что введение русского языка в немецкие школы, как добавочного предмета, не принесет ожидаемой пользы. В настоящее время все усилия инспекторов в этом направлении разбиваются в прах о несокрушимую скалу „специальных“ обязанностей кистер-шульмейстеров, готовящих своих питомцев прежде всего к конфирмации. Вот почему полное и всестороннее исполнение Высочайших повелений 2-го мая 1881 г., 22-го ноября 1890 г., 10-го декабря 1892 г. и 24 февраля 1897 г. относительно передачи немецких школ в ведение Министерства Народного

Просвещения со всеми фондами, сборами, недвижимым и движимым имуществом должно быть поставлено на первую очередь. На основании Высочайшего повеления 22-го ноября 1890 года, говорит попечитель Петербургского учебного округа (цирк. по округу 1896 г. № 2), все без исключения лютеранские церковные школы подчиняются ведомству Министерства Народного Просвещения на общем основании с другими начальными училищами, находящимися в заведывании сего министерства. По совершенно ясному смыслу сего закона лютеранские школы не должны обособляться и получать свою особую организацию, что непременно произошло бы с учреждением для них каких-либо особых программ. Лютеранская школа не может, кроме преподавания Закона Божия лютеранского исповедания, в чем бы то ни было отличаться от существующих ныне разных видов начальных училищ.

Если признано государственной необходимостью водворить русскую школу в прибалтийских губерниях (законами 1883 г., 1884 г., 1886 г., 1887 г., 1889 г.); если признано необходимым ввести преподавание на русском языке во всех городских, реальных училищах, гимназиях и высших учебных заведениях края; если все сельские лютеранские школы и учительские семинарии края переданы в ведение Министерства Народного Просвещения; если русский преподавательский язык введен здесь и в частных школах: то не менее важно обрусение немецкого населения в центре России, — населения устойчивого, гордящегося своей мнимой культурой. Это обрусение можно сделать лишь путем школьной реформы, проводя ее твердо и разносторонне, несмотря на происки духовенства, привлекая на свою сторону общины, подбирая для исполнения такого дела энергических людей в духе „русского деятеля в Эстляндской губернии“ князя С. В. Шаховского. Нужно, чтобы в поселениях бывших колонистов церковные школы превратились в русские училища, чуждые всякой обособленности и по задачам, и по программам, и по управлению, допуская некоторое приспособление лишь в методах преподавания.

Далее, на основании тех же вышеупомянутых Высочайших повелений, должно последовать подлежащее распоряжение об обложении поселений бывших колонистов налогом на содержание школ, с определением нормы жалования, выдачей последнего из волостных правлений через сельских старост, дабы

учители в материальном отношении не зависели от прихотливых желаний сельских обществ и их изменчивых постановлений, и школы имели характер училищ непосредственно подведомственных Министерству Народного Просвещения. Кроме всего этого, мы находим, что необходимо в частности нижеследующее:

1) Повсеместное распубликование по колониям об обязательном обучении на русском языке всех предметов, кроме Закона Божия и немецкого языка, причем в деле распубликования примут деятельное участие земские начальники, волостные и сельские власти и духовенство.

2) Руководящие правила или инструкция для управления лютеранскими, менонитскими и католическими школами бывших колоний.

3) Полное отделение кистерства от учительства, чтобы освободить школу от подавляющего влияния инославного духовенства, поручение кистеру лишь законоучительства без заведывания школой.

4) Ограничение влияния инославного духовенства лишь наблюдением за преподаванием в школах Закона Божия с правом сообщать о предполагаемых изменениях инспекции училищ, но без права непосредственного вмешательства в учебное дело школ.

5) Поднятие образовательного ценза учителей, в большинстве не подготовленных к учительству, устройством учительской семинарии, но только не для немцев исключительно, но и для русских ($\frac{1}{3}$ комплекта), в целях как обрусения немецких учеников, так и приготовления в немецкие школы учителей из русских. При этом в новую семинарию могут быть перемещены стипендии бывшей Самарской семинарии, преимущественно, даже исключительно, для русских. Местом устройства семинарии должно быть или русское селение, или хоть и немецкое, но с достаточным количеством русских жителей.

6) Устройство отдельной инспекции немецких школ, с поселением правительственного инспектора в одном из немецких селений для ближайшего надзора за школами.

7) Предоставление этой инспекции права назначать, перемещать и увольнять учителей немецких школ, лишь с доведением о сем до сведения высшего начальства, по третям года.

8) Заведение в многолюдных училищах помощников учителей, но не помощников кистеров, как хлопотали о том в 1895 г. пробсты

лютеранских церквей Поволжья.

9) Устройство школьных касс для немецких училищ, так как эти кассы не уничтожены Высочайшим повелением 2-го мая 1881 года, а только переданы в ведение Министерства Народного Просвещения.

10) Приспособление шульгауза к школьным занятиям, а не для общественной молитвы, как это существует доселе.

11) Установление числа учеников на одного учителя или помощника.

12) Отведение в шульгаузе квартиры для заведующего, а не для кистера, с предложением духовенству выселить кистера.

13) Переименование немецких церковных школ в школы Министерства Народного Просвещения по Положению 4-го июня 1875 г., так как это самый удачный тип сельских училищ, с введением соответственных программ и инструкций.

14) Допущение устройства обучения в школах грамоты как упрощенных и удешевленных школах, равно в частных школах, но на общих основаниях, как это встречается в Прибалтийских губерниях, и под наблюдением инспекции.

15) Преобразование центральных училищ и заведение двухклассных школ на подобие тех, которые встречаются в Херсонской губернии. Центральные же училища могут быть преобразованы в городские по Положению 31-го мая 1872 г. училища, но с тем, чтобы они имели тесную, непосредственную связь с сельскими школами, и при них были ремесленные, торговые, сельскохозяйственные классы.

16) Составление общей стройной системы народного образования в колониях, при взаимной связи всех училищ между собой.

17) Устройство при всех училищах библиотек на русском языке, с правом пользования ими и населению бывших колоний.

18) Устройство при училищах книжных складов учебников.

19) Устройство при учительской семинарии или при инспекции ежегодных курсов для учителей немецких школ на подобие курсов в Херсонской дирекции училищ.

Перечисленные меры собственно не составляют ничего нового. Одни из них уже проводились в жизни колониетских школ теми или другими деятелями, прикосновенными к учебному делу колоний, другие высказывались как благие пожелания; иные явились продуктом личных наблюдений и опыта при

ознакомлении с немецкими училищами.

Например, нам известно что в немецких школах Николаевского уезда инспекцией училищ распространялись в 1895 г. руководства Шельцеля, обсуждающие натуральный метод обучения инородцев русскому языку; вводились в школах учителя русского языка, арифметики и русского чистописания; по всем школам рассылались через волостные правления учебники русского языка; введено было новое расписание уроков с отведением ежедневных уроков русского языка, арифметики и русского чистописания во всех отделениях школ; для преподавания арифметики и чистописания рекомендовались руководства Гольденберга и Гербача; введен удлиненный учебный год (с 15-го сентября по 15-е апреля).

В дирекции Саратовской губернии в том же году шла деятельная работа по составлению подробной инструкции для немецких училищ, в чем принимала участие и Самарская дирекция училищ. Многие из предложенных нами мер, сколько известно, совпадают с мыслями деятелей Самарской и Саратовской дирекций училищ.

Признавая наши пожелания, таким образом, продуктом не единоличного домысла, а плодами опыта и требованиями жизненной необходимости, мы и решились предложить эти пожелания, в надежде что кто-нибудь из людей, стоящих близко к делу немецких школ, тоже подаст свой голос, выскажет свои мысли, и явится обмен мыслей по такому серьезному делу, как обрусение и упорядочение немецкой колониетской школы Поволжья, нетерпеливо ожидающей реформы в духе объединения с Русью.

Русский.⁶

**Русский вестник, 1897,
август (с. 43-64), сентябрь (с. 129-146), октябрь (с. 183-194).**

⁶ Русский – псевдоним, наст. фам. Спасский Н.А. – Прим. А. Шпак.